

ЭО, 2007 г., № 1

© М. М. Керимова

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ И СУДЬБА ЕГО АРХИВА

Сложная судьба постигла ценнейший архив Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Некогда огромный фонд был раздроблен и попал в разные архивы Москвы. Успех поисков всех его частей и возможное их воссоединение, хочется надеяться, не за горами. И, конечно, возникает вопрос, каким образом этот архив оказался разделенным между разными хранилищами? Понять эту загадку нам поможет краткий рассказ об основных вехах почти 70-летней истории существования ОЛЕАЭ.

Университетским уставом 1863 г. закреплялось право открытия научных обществ при университетах России. 14 октября 1863 г. состоялось первое собрание членов-учредителей общества в составе группы ученых Московского университета – Г.Е. Шуrowsкого, А.П. Богданова, В.Ф. Миллера и др., которое утвердило проект устава. В нем говорилось о целях и задачах нового Общества любителей естествознания, в частности значилось, что оно основано "для естественно-исторических, антропологических и этнографических исследований в России и преимущественно в губерниях Московского учебного округа, и для распространения научных сведений по этим трем отраслям знания в публике" (Архив...). Президентом был избран профессор Московского университета Г.Е. Шуrowsкий, но идейным руководителем и основателем общества с первых его дней был ученый-зоолог и антрополог А.П. Богданов. В мае 1864 г. общество было официально признано Министерством народного просвещения.

С самого своего основания оно развернуло многоаспектную научную деятельность. В частности, в декабре 1864 г. был организован Антропологический отдел во главе с Д.П. Солнцевым, а в 1866 г. по инициативе президента общества Г.Е. Шуrowsкого были учреждены премии за исследования в области антропологии и этнографии. В феврале 1867 г. был создан Этнографический отдел, председателем которого стал известный историк-славист, профессор Московского университета Н.А. Попов (в 1881 г. его сменил на этом посту филолог и этнограф, проф. В.Ф. Миллер). Отделы много сделали для распространения программ и собирания этнографических и антропологических материалов, публикации рукописей и ответов на составленные ими анкеты-вопросники, присылаемые местными корреспондентами и сотрудниками отделов, для основания своих изданий. В частности, Этнографический отдел собирал и публиковал записи фольклора, описания жилища, одежды, обрядов из разных регионов России (*Липец, Макашина* 1965. С. 41).

В результате с января 1868 г. Общество любителей естествознания стало носить название – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. ОЛЕАЭ просуществовало 68 лет, сделав очень много для становления и развития науки в России, в том числе для собирания огромной библиотеки и рукописного фонда.

Это организация внушительного числа различного рода экспедиций в малоизвестные регионы России (Туркестан¹, Север, Сибирь, на Черное море), выставок – Этнографической (1867 г.), Политехнической (1872 г.), Антропологической (1879 г.), Географической (1892 г.), специальных комиссий – Музыкально-этнографической (1897 г.), Комиссии по народной словесности (1913 г.), Комиссии по доисторической антропологии (1916 г.), а также участие в создании музеев: Дашковского (Румянцевского) этнографического музея (1867 г.), Антропологического музея Московского университета (1879 г.), в которые изначально поступали экспонаты соответствующих выставок. По инициативе проф. Д.Н. Анучина после основания Географического отделения ОЛЕАЭ (1890 г.) и при нем топографо-геодезической комиссии (1892 г.) был создан Географический музей.

Таким образом, к 1917 г. ОЛЕАЭ имело два больших отдела, девять малых отделений практически по всем естественным наукам, восемь постоянных комиссий, биостанцию, библиотеку с рукописным фондом (19 научных организаций) и насчитывало более 2 тыс. членов.

Особое место занимала издательская деятельность ОЛЕАЭ. С 1870-х по 1900-е годы печатались такие издания, как еженедельный журнал "Естествознание" (выходил с 1872 г.), "Известия" и "Труды" разных отделов и отделений, специальный журнал "Этнографическое обозрение" (с 1888 г.), "Русский антропологический журнал" (с 1900 г.), журнал "Землеведение" (с 1894 г.) и др.

Издательская деятельность, многочисленные научные экспедиции – все это прибиблило науку к народу, все больше любителей естествознания, антропологии и этнографии обращалось в ОЛЕАЭ. Наряду с университетом общество являлось прекрасной научной школой для многих любителей и профессионалов.

В первые годы после революции ОЛЕАЭ добивается от Народного комиссариата просвещения РСФСР обеспечения юридических прав для работы своей библиотеки. Помещение для нее предоставляет Политехнический музей, что приводит к дальнейшему объединению библиотеки музея с библиотекой ОЛЕАЭ.

В 20-е годы XX в. ОЛЕАЭ возобновляет временно прерванную деятельность путем организации ряда научных экспедиций и работы своих отделов и комиссий. Но недостаток материальных ресурсов тормозил многие виды их функционирования, что привело в 1924 г. к решению о слиянии ОЛЕАЭ с Обществом испытателей природы².

Из возможных аргументов Наркомпрос РСФСР приводил лишь один: повторы и "перепевы" в разработке идентичных и близких проблем. Все завершилось тем, что через семь десятилетий влиятельнейшая научная организация России, какой было ОЛЕАЭ, перестала существовать, и только незначительная часть ее архивных документов была передана в Московское общество испытателей природы, с которым ОЛЕАЭ окончательно слилось в 1931 г.

Поскольку в Политехническом музее Москвы сосредоточился ценный библиотечный фонд ОЛЕАЭ, который к 1917 г. насчитывал 250 тыс. изданий, а при библиотеке с 1922 г. существовал Кабинет рукописных материалов, то естественно было рассчитывать на то, что большая часть архивного фонда ОЛЕАЭ будет храниться именно здесь. Но, как нам удалось выяснить в архиве Политехнического музея, в нем отложились лишь отдельные документы, касающиеся взаимодействия ОЛЕАЭ с Политехнической выставкой (Ф. 100. Оп. 1) и Музеем прикладных знаний (Ф. 100. Оп. 2), незначительные фрагменты протоколов заседаний отделов и комиссий ОЛЕАЭ. Кроме того, в 1905 г. при пожаре в Политехническом музее был затоплен первый этаж, где располагалась библиотека общества и ее рукописный отдел, что также привело к утрате многих документов. Часть рукописей, вероятно, пропала во время гражданской войны и в годы репрессий в советский период.

Далее история архива ОЛЕАЭ приобретает фантастический оттенок. В 1966 г. фонд общества был востребован из Политехнического музея и Московского обще-

ства испытателей природы архивом МГУ; некоторые рукописи Этнографического отдела ОЛЕАЭ произвольно в том же году были переданы в Институт этнографии АН СССР (Ф. 22. 437 ед. хр.)³; еще одна часть оказалась в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ. Ф. 455. 40 ед. хр., 1863–1874 гг.), рукописи Комиссии по народной словесности отложились в Российском архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1548. 90 ед. хр.), где (ф. 590, 26 ед. хр.) хранятся немногочисленные материалы некоторых членов ОЛЕАЭ. Что касается документов фонда ОЛЕАЭ, попавших в МГУ, то по непонятной причине они до 2005 г. – времени переезда архива с ул. Моховой на Ленинские горы – хранились в послереволюционной части ведомственного архива МГУ, хотя основная масса документов относится к дореволюционному периоду. Сегодня, как и прежде, фонд ОЛЕАЭ в МГУ практически недоступен для читателей. Все указанные перипетии привели к тому, что архив ОЛЕАЭ в МГУ не изучался специалистами – этнографами, антропологами и представителями других естественных наук.

Нам удалось узнать, что сейчас в фонде ОЛЕАЭ, находящемся в архиве МГУ, значится 924 единицы хранения, и эта часть фонда – наиболее объемная из всех разрозненных его частей.

Обработка фонда была произведена сотрудниками архива в 1967 г., при этом он был разделен на две части – фонд 61 и фонд 62. Первый включает документальные материалы с 1863 по 1917 г. – 658 единиц хранения (Оп. I. I Л.), второй – с октября 1917 по 1931 г. – 269 единиц хранения (Оп. I. I Л.). В настоящем обзоре мы перечислим лишь наиболее значимые, на наш взгляд, материалы по этнографии и антропологии, содержащиеся в указанных фондах.

В фонде 61 (Оп. I. I Л., 1863–1917 гг.) наиболее ценными для этнографов, по нашему мнению, являются письма членов ОЛЕАЭ – В.Ф. Миллера, Н.Н. Харузина, В.Н. Харузиной, А.Н. Харузина, Н.А. Янчука, М.В. Довнар-Запольского, Н.А. Попова, Н.Ф. Сумцова, А.П. Федченко, Г.А. Кожевникова, Э.К. Пекарского, Г.Н. Потанина, В.Г. Богораза, В.И. Йохельсона, Е.Н. Елеонской и других по общим вопросам этнографии, публикации их статей, этнографических изысканий в разных регионах России. Интерес представляют также уставы, отчеты, протоколы Этнографического и Антропологического отделов ОЛЕАЭ (например, отчет Н.Ю. Зографа о поездке на Север России в июле 1874 г.); материалы о присуждении премий по этнографии и антропологии, протоколы заседаний об организации Антропологической выставки 1879 г.; описание этнографических экспонатов, собранных в Приамурском крае П.П. Шинкевичем в 1895 г.; документы, связанные с Якутской экспедицией, экспедицией в Манчжурию (1897–1898 гг.), на Южный Урал и в Польшу (1898–1899 гг.); обзор фольклорных материалов, собранных членами Этнографического отдела в Тобольской, Тамбовской и других губерниях (1899 г.); материалы об изучении гагаузов, дунган; письма ученых и краеведов по вопросам антропологии и этнографии в Совет ОЛЕАЭ об исследованиях, проводившихся в Новгородской, Архангельской, Вологодской, Самарской, Могилевской, Волынской и других губерниях (1900–1908 гг.); автограф докладной записки Д.Н. Анучина в Морское министерство об оказании содействия исследованиям Северного Ледовитого океана по методу, предложенному вице-адмиралом С.О. Макаровым (1903 г.).

В фонде 61 (Оп. I) выделен раздел научных статей. Среди них автографы статей В.В. Богданова о местных этнографических музеях в России, И.Д. Дмитриева о финских топографических названиях, А.В. Маркова о народностях Севера России, А.С. Хомякова о пережитках тотемизма у вотяков, статья анонимного автора о черемисах, материалы, собранные офицерами Генерального штаба в Пермской губ. В этой же части фонда находим раздел писем. Для нас интересны письма в Этнографический отдел общества от любителей этнографии из разных губерний России и письма членов ОЛЕАЭ по вопросам, касающимся организации Славянского коми-

тета, публикации этнографических трудов, материалы о содействии в проведении исследований (например, письма А.Н. Харузина Д.Н. Анучину и Г.А. Кожевникову о помощи в исследованиях татар Крыма в 1891–1896 гг.).

В фонде 62 (Оп. I. I Л., 1919–1930 гг.) содержатся в основном административно-ведомственные документы. Среди них автобиографии членов ОЛЕАЭ, карточки учета членов общества (1930 г.), рукописный вариант некролога секретаря Этнографического отдела Н.А. Янчука, составленный В.В. Богдановым, протоколы заседаний и отчеты Этнографического отдела, письма в государственные учреждения по поводу организации научных станций, краеведческих музеев, экспедиций (например, экспедиции для изучения киргизов в 1919 г.), перечень основных народностей СССР по материалам Всесоюзной переписи 1926 г., переписка с зарубежными научными обществами и т.п. В разделе научных статей этого же фонда представляют интерес машинописные экземпляры статей Б.А. Куфтина "Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова" (1925 г.) с правкой автора и Н.Г. Маркелова "Очерки народной охоты на нашем Севере" (1925 г.). В архиве ОЛЕАЭ ранее имелись два личных фонда – Григория Ефимовича Щуровского и Дмитрия Николаевича Анучина. В настоящее время они выделены в раздел "Личные фонды".

Таким образом, перечисленные нами некоторые наиболее яркие и значительные материалы, хранящиеся в фонде ОЛЕАЭ архива МГУ, доказывают его непреходящее значение для этнографов и антропологов.

В ЦИАМ отложился еще один фрагмент архива ОЛЕАЭ. В фонде 455 хранятся протоколы заседаний общества (1868–1874 гг.), отчеты общества о его деятельности (1873–1874 гг.), отчеты о научных экспедициях в Самарканд, Ташкент, на Урал и в приволжские губернии (1868–1869 гг.); доклады, статьи, письма о результатах экспедиций в Самаркандскую, Ташкентскую, приволжские губернии, на р. Чусовую, организованные ОЛЕАЭ для сбора этнографических и антропологических материалов.

В этом же фонде отложилось множество материалов, связанных с организацией и подготовкой различных выставок: Этнографической выставки 1867 г. (документы 1864–1867 г.), проект устава Антропологического отдела общества и правила устройства Антропологической выставки в Москве 1879 г. (документы 1866–1879 гг.), программа, правила, переписка в связи с учреждением Отдела кавказских коллекций и Туркестанского отдела на Политехнической выставке, организованной ОЛЕАЭ в 1872 г. Здесь же хранятся переписка по поводу создания кафедры антропологии в Московском университете, характеристики членов ОЛЕАЭ Н.А. Попова, А.П. Богданова и других, а также переписка с ними в связи с избранием в почетные члены общества.

Итак, ценность перечисленных нами материалов, хранящихся в разных частях архива ОЛЕАЭ, не вызывает никаких сомнений. Остается мечтать и надеяться, что в ближайшем будущем обнаружатся еще какие-то фрагменты этого архива и что они, наконец, будут объединены в отдельный единый фонд важных и до сих пор адекватно не оцененных архивных документов.

Примечания

¹ С первых лет существования ОЛЕАЭ ставит своей целью изучение малоизвестных регионов России и для этого сразу же организует ряд экспедиций в малоизученные районы (например, экспедиция А.П. Федченко в Туркестан, различные экспедиции на Черное море и в Могилевскую губ.). В 1870 г. общество учреждает Туркестанский отдел для более успешного естественно-исторического, антропологического и этнографического изучения Туркестанского края. Сотрудники отдела проводили публичные чтения, собирали научные коллекции, организовывали местные музеи и т.п., издавали свои труды. Комиссии Туркестанского отдела организовывали и проводили экскурсии, собирали библиотеку, привлекали население к изучению края.

² Московское общество испытателей природы было создано в 1805 г. и отличалось от ОЛЕАЭ тем, что было чисто академическим, печатало свои исследования преимущественно на ино-

странных языках и вместе с тем не ставило перед собой цель распространения знаний в России, не привлекало, кроме ученых-специалистов, студентов вузов и просто любителей естественных наук, представлявших широкие круги населения, не пропагандировало успехи естествознания в широких массах.

Часть архива ОЛЕАЭ, хранящаяся в Институте этнологии и антропологии РАН, оказалась больше всего востребованной и изученной, что доказывает неоднократное использование материалов фонда сотрудниками института. В ней содержатся записи материалов по этнографии (обычаи и обряды, одежда, жилище и т.п.), обычному праву, религии и верованиям, фольклору (записи сказок, легенд, загадок, пословиц и поговорок), лингвистике, зафиксированные информаторами в разных губерниях Российской империи, письма разных лиц в ОЛЕАЭ. Часть материалов общества – документы по деятельности ОЛЕАЭ, отчеты (1917–1922 гг.), протоколы заседаний (1919–1920 гг.), материалы редколлегии журнала "Этнографическое обозрение" отложились в фонде В.В. Богданова и также хранятся в архиве института.

Источник и литература

Архив... – Архив МГУ Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Липец, Макашина 1965 – Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации этнографической науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. III. М., 1965.

М.М. Kerimova. Imperial Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology, and Ethnography, and the Destiny of Its Archive

The article conveys newly discovered facts about the destiny of the Russian Imperial Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology, and Ethnography (also known in Russian by the abbreviation *OLEAE*), which was formally institutionalized in 1864. Isolated documents related to the society's activities were kept at the Polytechnic Museum in Moscow until they were claimed by Moscow State University's archive in 1966. Some of the manuscripts from *OLEAE*'s Ethnographic Section were transferred to the Institute of Ethnology and Anthropology at the same time, and some ended up in the Central Historical Archive of Moscow and in the Russian Archive of Literature and Art. The author discusses the importance of the society's materials for ethnographic, historical, and historiographical studies, and suggests that all available materials should be organized in the framework of a single archive.